

ТАЙНЫ ИСПОВЕДИ. ЛЕВ ТОЛСТОЙ И НИКОЛАЙ СТРАХОВ

© 2013

И.Ф. Салманова

“Исповедь” Л.Н. Толстого до сих пор считается произведением, разделившим все его творческое наследие на “до” и “после” и, как следствие, раздваивающим личность самого автора на “гениального художника” и “слабого мыслителя”. Между тем в истории отечественной культуры и литературы не было более целостной, более верной себе личности, в которой дар художественный крепился на мощнейшей философской рефлексии. Дело не только в тех многочисленных художественно-мыслительных нитях, сопряжениях между дневниками, письмами, художественными произведениями и его поздними религиозно-философскими трактатами, о которых достаточно написано, хотя и с оговорками и ссылками на пресловутые “кричащие противоречия” писателя. Что же внутренне скрепляет толстовское наследие воедино. Думается, речь идет об особом рода исповедальности, которая зиждется не только на автобиографической, проповеднической назидательности, психологическом самоанализе, неизменном поиске себя и смысла жизни, и на диалогической — целостной основе творческой природы мышления писателя. Среди типологических доминант исповедальности исследователи отмечают автобиографизм, философскую рефлексию, психологический самоанализ, нравственно-этическую наполняемость, лиризм, проповеднический пафос.

Исповедальность — экзистенциальная первооснова самоопределения человека, пришедшая на смену процессу сугубо рационального познания мира. Исторически преобразуя свои формы от Августина к Руссо и Толстому, она не меняется существенно. Ее общечеловеческая наполняемость определяется известными вопросами, обращенными человеком к самому себе, и попыткой “быть” во всех смыслах, сохранять целостность человеческого существования перед “лицом” внутреннего и внешнего несовершенства, трагического разлада между жизнью и смертью. Исповедальность как антропологический феномен возникает одновременно на рефлексивном и эмоционально-ин-

**МОЙ
СОБЕСЕДНИК**

**Салманова
Ирина
Федоровна** — кандидат филологических наук, доцент Белгородского государственного института культуры и искусств. В журнале “Человек” опубликовала рецензию на книгу: “Д.А. Гранин — университетские встречи: 33 текста” (2009. № 5); статьи “Целостность как основа жизнетворчества Л.Н. Толстого” (2011. № 2) и “От какого наследства мы не отказываемся?” (2012. № 1). E-mail: SalmanovaIF@yandex.ru

Статья подготовлена в рамках реализации мероприятия 1.5 ФЦП “Научные и научно-педагогические кадры инновационной России” на 2009–2013 гг. Госконтракт № 14.A18.21.0268.

143

тимном уровнях, проявляется как опознание в себе своего Другого — внутреннего человека (синоним духовного саморазвития) и становится своеобразным “инструментом” самопознания и самочувствия. Именно через исповедальность начинается процесс внутреннего преобразования и перерождения, как правило, основанный на конфликте, борьбе и противоречиях с самим собой и окружающим миром.

С самого начала Толстой формировался и развивался в исповедальном пространстве своих романов, дневников, писем, воспоминаний, ведя непрерывный внутренний диалог с собой и миром. Уже первые его повести имеют автобиографический характер. Как отмечал проф. В.В. Сиповский «перед нами “исповедь” самого Толстого, который пожелал, как Ж.-Ж. Руссо, как Гете... дать себе отчет о том, какими психическими процессами в первые годы его сознательной жизни обуславливалось его мировоззрение»¹. Толстой открыл исповедальность как начало, исключаящее какую бы то ни было надуманность, искусственность, требующее не только жесточайшего самоанализа, но и самообновления, предлагая интимную форму творческой и жизненной самореализации.

Исповедь, воспринимаемая как церковное таинство, имеющее место не только в литургической практике, но и как особая форма самовыражения и самопознания, в которой проявляется вся полнота творческого начала человека. Сложная, неоднозначная психологическая и интеллектуальная наполняемость этого понятия позволяет выделить в его структуре три ключевых элемента:

- “Исповедальность” как особое неустойчивое психологическое (критическое) состояние личности, наступающее в непрограммируемое время, которое можно назвать “временем исповеди”/“исповедальным временем”;
- “Исповедальное начало” как некий универсальный творческий или духовный способ воплощения этого состояния;
- “Исповедь как текст”, сочетающий в себе самые разнообразные жанровые формы — от исповедального плача и писем до психологического дневника, и шире — понимаемый как текст жизни.

Теперь чуть подробнее о каждом из них.

Исповедальность — промежуточное (не жизнь и не смерть или между жизнью и смертью), амбивалентное по своей природе психоэмоциональное состояние, которое одновременно включает в себя душевную потерянность, разлад с самим собой, трагическую внутреннюю раздвоенность, отсутствие целостности и неистребимую жажду (страсть) самообретения, колоссальную интеллектуальную напряженность и устремленность в поиске устойчивых жизнетворящих доминант. Это состояние наступает в особое время — духовного кризиса, “остановки жизни” (Л.Н. Толстой), перестройки внутренней жизни, перехода из одного состояния в другое. Это время предельной искреннос-

¹ Сиповский В.В. История русской словесности. Ч. III. Вып. 2. СПб., 1912. С. 259; Журнал уже обращался к этой теме. См., напр.: Неретина С.С. Познание самого себя как богопознание. 1995. № 3.

ти и правды, когда человек мучительно пытается сказать самому себе — кто он, зачем живет, в чем смысл его существования. В.Л. Рабинович называет это время “бытийственным мигом”, когда “миг объемлется вечностью. Вечность полнится мигом. Но мигом особым: “обращения, покаяния, смерти, мигом, в котором прозревается посмертное воздаяние...”². Этот миг фокусирует всю силу и полноту человеческого самопознания.

Об этом времени в разных историко-культурных контекстах рассуждают и Августин Блаженный, и Н.В. Гоголь, и Л.Н. Толстой.

Августин Блаженный “Исповедь”: “И вот пришел день, когда я встал обнаженным перед самим собой, и совесть моя завопила...”; “И чем ближе придвигалось то мгновение, когда я стану другим, тем больший ужас вселяло оно во мне, но я не отступал назад, не отворачивался, я замер на месте”³.

Н.В. Гоголь “Авторская исповедь”: “Все более или менее согласились называть нынешнее время переходным. Все, более чем когда-либо прежде, ныне чувствуют, что мир в дороге, а не у пристани, не на отдыхе, не на временной станции или на отдыхе. Все чего-то ищут, ищут уже не вне, а внутри себя... Всяк более или менее чувствует, что он не находится в том именно состоянии своем, в каком должен быть, хотя и не знает, в чем именно должно состоять это желанное состояние...”⁴.

Л.Н. Толстой “Исповедь”: “Так я жил, но пять лет тому назад со мной стало случаться что-то очень странное: на меня стали находить минуты сначала недоумения, остановки жизни, как будто я не знал, как мне жить, что мне делать, и я терялся и впадал в уныние”; “Жизнь остановилась. Я мог дышать, есть, пить, спать, и не мог не дышать, не есть, не пить, не спать; но жизни не было, потому что не было таких желаний, удовлетворение которых я находил бы разумным”⁵.

Остановка ли это или тревожное движение, но в любом случае — это время пристального взглядывания в самого себя и строгого анализа собственной души, время поиска и обретения спасительной веры.

Исповедальное начало традиционно ассоциируется, прежде всего, с автобиографизмом и той долей искренности (принцип искренности — основополагающий), с которой автор повествует (вспоминает) о своей жизни, а также с глубиной и серьезностью сопутствующего психологического анализа.

Действительно, нет ни одного исповедального текста без автобиографической основы. И все же, является ли автобиографизм единственным критерием, определяющим исповедальное начало? Если говорить о писательской автобиографии, то необходимо учитывать зыбкую грань между авторской литературно-художественной интерпретацией собственной жизни и документальной автобиографией. Сочетать автобиографизм, даже основанный на достоверных фактах, с исповедальностью, не впадая в сочинительство, “литературность”, необыкновенно трудно, так как исповедь предполагает не просто некий уро-

И. Салманова
Тайны исповеди.
Лев Толстой
и Николай
Страхов

² Рабинович В.Л. Урок Августина: жизнь — текст // Августин Аврелий. Исповедь. Петр Абеляр. История моих бедствий. М., 1992. С. 249.

³ Августин Аврелий. Исповедь // Там же. С. 107, 110.

⁴ Гоголь Н.В. Авторская исповедь // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. М., 1984. С. 453–454.

⁵ Толстой Л.Н. Исповедь // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т., юбил. изд.-е. Т. 23. М.-Л., 1928–1958. С. 11, 123.

вень самообнажения (“и без кожи и в коже”, как у Ж.-Ж. Руссо), но и мучительный процесс самообновления, самосозидания, обретения потерянной целостности. “Искание истины” (Л.Н. Толстой) и искание самого себя в исповедальном тексте совпадают. Автобиографический же экскурс, столь важный для структуры исповеди, скорее всего, является подходом, своего рода фундаментом для исповедальности. Важно, “чтобы *ретроспектива* стала *перспективой* созидания самого себя из себя же самого”⁶.

Собственно исповедальный текст словно “зависает” между прожитой жизнью и ее переосмыслением, между неправедностью (неправильностью) былого и праведностью искомого нового Смысла, нового Слова о себе и о жизни. Исповедь — роковой “промежуток”, заполненный судьбоносными вопросами и ответами, вопрошаниями об утерянном, но еще не обретенном смысле бытия. Исповедальное начало становится универсальным “способом прояснения человеком своего бытия”, опытом вопросов и ответов о смысле бытия. По сути, исповедальное начало и есть творимый на наших глазах диалог о смысле жизни, а исповедальное Слово — творящее, созидающее это диалогическое, полное сомнений, борьбы, самоанализа, становящееся пространство.

В исповеди как изначально творческом пространстве неизменно предполагается наличие Другого, собеседника (умозрительного, метафизического, подсознательного, реального). Исповедь начинается с “великого спора во внутреннем доме” (Августин Блаженный). Исповедь многосоставна по своему жанровому наполнению. Анализируя “Исповедь” Августина Блаженного, В.Л. Рабинович увидел в ее авторе парадоксальное сочетание и ученого-лирика, и учителя-псалмопевца, и поэта-гимнотворца. Ученый проявляет в классической исповеди наличие и сложное сочетание разных жанров: исповедального плача, который превращает исповедь в “поэму плача”, учительскую проповедь, дневник одинокой, уникальной души, научный педагогико-религиозный трактат и одновременно автопортрет поэта. Великое лирическое “Я” Августина сполна вмещает слово об этом многоликом “Я”. Истоком самообретения становится «“исповедание себя перед самим собой”, “общение с собой, как с Другим”, умение “высветлять — мастерить себя в качестве себя — чужого объекта”»⁷. Феномен исповеди заключается в том, что она фиксирует, запечатлевает самый процесс творческого мышления как творчества (В.С. Библер). Продуктивным движущим началом исповеди становится не только способность взглянуть на себя со стороны, объективировать самого себя, но и вступить в диалог-спор с самим собой. “Спор этот шел в сердце моем: обо мне самом и против меня самого”⁸. Затем этот внутренний диалог “обрастает” голосами (небес или земли, мудреца или обывателя), раздающимися извне, в какой-то момент становится полилогом, объектом осмысления, сопережи-

⁶ Рабинович В.Л.

Указ. соч. С. 257.

⁷ Там же. С. 236, 257.

⁸ Августин Аврелий. Указ. соч. С. 111.

вания, отторжения или принятия другими — всем миром. В этот момент исповедь становится текстом.

Исповедальный текст — поистине словотворческая лаборатория, в которой внутренний человек обретает себя в Слове и через Слово. Исповедь наполняется назидательным, учительским, проповедническим пафосом, а найденное, спасительное Слово становится активным, действенным. Густая жанровая наполняемость исповедального текста весьма показательна и свидетельствует об особом исповедальном языковом синтезе, способном к разнообразным трансформациям и проявлениям в отдельных литературных и рубежных жанрах — письмах, дневниках, автобиографиях, воспоминаниях. Многообразная целостность исповедального текста подобна самой жизни.

Исповедальное начало с наибольшей интенсивностью проявляется в русской литературе вслед за европейской лишь в конце XVIII века, и происходит это прежде всего в так называемых “пограничных видах литературы — в письмах, дневниках, мемуарах, автобиографиях”⁹.

Тенденция развития исповедального начала — от документальных жанров к собственно художественной психологической прозе — чрезвычайно важна. Подчеркнем, что эта тенденция характерна не только для европейской, но и для отечественной традиции. Знакомство с сочинениями Ж.-Ж. Руссо, с европейскими сочинениями исповедального типа, с “Исповедью” Августина Блаженного только усилило и углубило те процессы, которые постепенно складывались в недрах русской литературы. “Романами” называли свою переписку, восходящую к литературе, питающуюся ею, люди XVIII века, чьи письма, не переставая быть средством связи, документом частной жизни, превращались в форму самопознания, самовыражения личности, форму освоения действительности¹⁰. Теперь “литературность” обволакивает переписку, превращая ее в подобие литературной игры, а исповедальность облекается в форму художественных упражнений, становится “книжным” способом чувствования и самовыражения. Исповедальность, подчиненная литературной моде, становится предметом пародирования. Ярким примером может служить “Моя исповедь” Н.М. Карамзина, который подвергает сомнению важнейший принцип исповеди — предельную искренность. Вместе с тем опыт дружеской переписки оказывается уникальным, ничем не заменимым способом самопознания. Без дружеской переписки трудно представить дальнейшее развитие русской психологической литературы с ее философской глубиной и всепроникающей исповедальностью. Мода на нее не смогла поглотить неистребимую потребность “объяснять себя”, раскрывать, распаивать душу перед сочувствующим, понимающим Собеседником.

Размышляя об исповедальности в целом, остановимся на ее “вызревании” в ходе переписки Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым, ставшей эпистолярным опытом подготовки к толстовской

И. Салманова
Тайны исповеди.
Лев Толстой
и Николай
Страхов

⁹ Гинзбург Л.Я.
О психологической
прозе. Л., 1971.
С. 76.

¹⁰ Лазарчук Р.Л. Переписка Л.Н. Толстого с Т.А. Ергольской и А.А. Толстой // Л.Н. Толстой и русская литературно-общественная мысль. Л., 1979. С. 86.

“Исповеди”. Их переписка может быть расценена как уникальный жизнетворческий документ, текст, запечатлевший процесс внутренних изменений, непосредственный духовный рост обоих и отразивший комплекс творческих запросов. Исповедальное начало здесь — отнюдь не фон в переписке, но скорее необходимый, сцепляющий первоэлемент столь разнообразного по наполнению творческого диалога, который стал одновременно формой самовыражения и средством самоопределения; способом философствования и методом самопознания; традиционным общением и не укладывающимся в эпистолярную традицию путем самореализации; вполне литературным и отвергающим литературность текстом. В этом диалогически свободном пространстве *взаимопонимания* открывались новые, неклассические формы творческого мышления, новые горизонты слова, его экзистенциальные возможности. В какой-то момент это взаимопонимание перерастает в дружеское откровение, раскрывается как взаимное исповедание. Исповедальность, столь естественная для субъективиста Толстого и не свойственная объективному мыслителю Страхову, тем не менее становится не только лакмусовой бумагой, проявляющей индивидуальность того и другого, но и своего рода движущей силой, выстраивающей всю драматургию переписки.

Переписка Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова продолжалась двадцать шесть лет и насчитывала 467 писем. Абсолютная непохожесть Толстого и Страхова не только не мешала диалогическим отношениям, но стала питательной почвой для их плодотворного развития. Структура переписки прозрачна и сложна одновременно. Ее внешняя канва, несмотря на многоаспектную насыщенность и разноплановость, может рассматриваться с точки зрения разных эпистолярных уровней, которые формируются и развиваются по ходу жизненных обстоятельств и отражают не только личные, творческие контакты Толстого и Страхова, но и эпохальные перипетии. Переписка носила одновременно и деловой, и информационно-публицистический, и глубоко дружеский характер. Каждый из модусов, безусловно, заслуживает отдельного исследования. В определенный момент доверительности Толстой и Страхов оказались перед необходимостью “взаимного исповедания”. Уникальность переписки в том, что она запечатлела не только толстовский путь к “Исповеди”, но и “исповедальное развитие” Страхова. Но если для Толстого это был имманентный процесс всей жизни и творчества, то для Страхова призыв “исповедоваться” оказался суровым испытанием. Исповедание превращает внутреннюю жизнь каждого: и Толстого, и Страхова, в психологическое зеркало, что порождает неистребимую потребность в самоанализе, в окончательной самопроверке и самоопределении. Именно поэтому Толстому 70-х годов нужен не только Страхов — проникновенный слушатель и умнейший собеседник, но и Страхов — исповедально-откровенный.

Остановимся лишь на одном фрагменте. Прежде чем определиться по отношению к окружающему миру, к науке, философии, искусству, религии, необходимо *самоопределиться*, и этому самоопределению способствует “погружение” в Другого. Толстой считал, что Страхову “недостает толчка веры в себя, в важность дела, недостает энергии заблуждения, земной стихийной энергии, которую выдумать нельзя”¹¹. Писатель всячески подталкивает колеблющегося Страхова на исповедальное слово. Страхов прислушивается к его совету, “подумывает” и “укрепляется в мысли” написать не биографию, но что-то подобное исповеди. “Напишу *Вместо исповеди* и посвящу Вам. Боюсь, что разыграются дурные чувства, которых так много возбуждает в нас наше милое Я”¹², — не без иронии замечает Страхов. “Истинно радуюсь и горжусь тем, что мой совет — писать свою жизнь, занял вас”¹³, отвечал Толстой, ожидая многого от страховской исповеди. В это время Толстой сам пишет набросок под заглавием “Моя жизнь”, начатый еще в 1878 году, который стал прелюдией к “Исповеди”.

Толстой, по сути, инициирует страховское исповедальное саморазоблачение и становится его “исповедником”. Именно перед ним абсолютно не сосредоточенный на себе Страхов “омывает свою душу” и считает Толстого “судьей, перед которым ни за что не хотелось бы провиниться”¹⁴. Страхов в своем исповедальном письме отмечал: «Присматриваясь к людям, я наконец замечаю и то, что в них много тех самых черт, которые я готов был считать своею особенностью, и тогда, *рассматривая себя в них* (курсив мой. — И.С.), начинаю смотреть на себя иначе, чем в том хаотическом и печальном “свете”, в котором обыкновенно созерцаю собственную фигуру»¹⁵. Здесь Страхов определяет “механизм” творческих диалогических отношений: необходимость взглянуть на себя, самоопределиться через призму Другого; увидеть себя в Другом, чтобы вернуться к себе, чтобы окончательно ощутить свою самобытность.

Страхов понял “состояние исповедания” как самобичевание или самоуничтожения, что было немедленно понято и отвергнуто Толстым. Когда страховская исповедь, полная горечи саморазоблачения и неверия в себя, все же прозвучала в письме от 17 ноября 1879 года, Толстой резко и безапелляционно ответил: “И вам писать свою жизнь нельзя. Вы не знаете, что хорошо, что дурно было в ней. А надо знать”. Судя по тону советов, которые далее дает Толстой, он сам уже переступил через черту сомнений, его устами заговорил проповедник: “Верьте, перенесите центр тяжести в мир духовный, все цели вашей жизни, все желания ваши выходили бы из него, и тогда вы найдете покой в жизни. Делайте дела Божии, исполняйте Волю Отца, и тогда вы увидите свет и поймете”¹⁶. Однако исповедальные признания не превращают мягкого и податливого, на первый взгляд, Страхова в марионетку в “руках” мятущегося, мощно преобразующего себя и окружающее, Толстого, но в определенном смысле укреп-

¹¹ Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов. Полное собрание переписки. Т. 1–2. М., Оттава. 2003. Т. 1. С. 423.

¹² Там же. С. 458.

¹³ Там же. С. 462.

¹⁴ Там же. Т. 2.

С. 775.

¹⁵ Там же. С. 543.

¹⁶ Там же. С. 545.

ляют его духовно, помогают обрести внутреннее самостояние. В этом, думается, и заключается благотворная сила и тайна творческих диалогических отношений, столь ярко проявляющихся именно в переписке.

Так зачем же Толстому понадобилась исповедь Страхова? Думал ли он помочь другу, приобщить его к собственному опыту самопознания, который был уже выстрадан. А может он “примеривался” к Страхову как художник, видя в нем прототип одного из своих литературных героев. Образ профессора Кознышева в “Анне Карениной” вольно или невольно наводит на эту мысль. Скорее всего, исповедь Страхова послужила для него толчком к окончательному преодолению своего всепоглощающего Я, движению к новому качеству исповедального слова, обращенного не к себе, но ко всем, публичной исповеди, наполненной теперь общечеловеческим смыслом.

Вместе с тем исповедальный опыт помог и Страхову не только “сбросить мундир и ордена”, но и окончательно уяснить свое истинное предназначение. “Об Вашем совете я прилежно думал и наконец сказал себе: Как странно! Они хотят, чтобы я перестал быть самим собою! Ведь моя объективность и есть выражение моего ума, моей натуры. Я не могу говорить о своих личных делах и вкусах; мне это стыдно, стыдно заниматься собою и занимать других своею личностью”¹⁷. Он остался верен самому себе несмотря на то, что до конца дней своих продолжал исповедоваться перед Толстым. Страхов ищет “общие мерки чувств и мыслей”, не выставляя “за норму, пример и закон своих мнений и волнений”¹⁸. В своем творчестве он по-прежнему старается “возводить свои мысли до общеинтересного, для всех законного и убедительного”, — и только тогда уверен, что “не обманывает свойства своей души”¹⁹. Исповедальное начало переписки Толстого и Страхова не только помогает уяснить ее внутреннюю динамику, но и убедиться в том, что, двигаясь в одном направлении в постижении целостности, оба преодолевают “разговорность” в обсуждении онтологических проблем, остаются творчески независимыми собеседниками.

Таким образом, русская эпистолярная культура становится, с нашей точки зрения, тем уникальным, творческим, исповедально-диалогическим пространством, которое позволяет по-новому взглянуть на развитие не только русской художественной литературы, но и отечественной философской мысли в целом.

“Исповедь” Толстого интересна не только как автосвидетельство его духовного “переворота”, не только как первая религиозно-философская книга, но и как своеобразный творческий эксперимент. Двойственная природа толстовской мысли в “Исповеди” приводит к тому, что в определенный момент аналитическое начало оборачивается образной органикой, а исповедующийся автор при очередном переключении мысли вдруг обретает статус исследуемого объекта. Собственное “Я” Толсто-

¹⁷ Там же. С. 909.

¹⁸ Там же. С. 909–910.

¹⁹ Там же. С. 910.

го — одновременно и повествующий субъект, напрямую обращающийся к читателю, и объект его же творческого постижения. Психологический момент трагической раздвоенности (состояние исповедальности) становится отправным и универсальным. Толстой-аналитик пытается объяснить и преодолеть это состояние, Толстой-художник вновь и вновь возвращается к нему. Разнообразные по своему эмоциональному и стилистическому наполнению диалоги “Исповеди” в основе драматургичны, так как каждый раз — это диалог с воображаемым собеседником, оппонентом — литератором, ученым, мудрецом, обывателем, дьяволом, Богом. Другими словами: вступая в диалог с самим собой, исповедующийся Толстой перевоплощается, выступает в разных жизненных ролях и позициях. Созвучная состоянию раздвоенности диалогичность “Исповеди” позволяет автору не только последовательно выстраивать материал собственной жизни, подвергая его жесточайшей критике, но и сводить, “сопрягать” воедино все то, что собственно анализу не поддается и требует другого, нового Слова, отражающего вновь обретаемый религиозный опыт. Литературно-художественное слово становится действенным, жизнетворящим Словом. Нелзя не согласиться с Н.Н. Страховым, который считал, что “Исповедь” Толстого — это живая речь “человека, откровение его сердца, живущего тем самым, что он говорит. Тут все новое, потому что все живое”²⁰.

И. Салманова
Тайны исповеди.
Лев Толстой
и Николай
Страхов

²⁰ Страхов Н.Н. Толки о Л.Н. Толстом // Русские мыслители о Льве Толстом. Тула, 2002.

НОВЫЕ КНИГИ

Ковальзон В.М. Основы сомнологии: Физиология и нейрохимия цикла “бодрствование-сон”. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2011. 239 с.: ил.

Колесник А.А. Бандитский СССР: Самые яркие уголовные дела. М.: Эксмо, 2012. 208 с: ил.

Контракты в академическом мире / Сост., науч. ред. М.М. Юдкевич. М.: Изд. дом. Высш. школы экономики, 2011. 392 с.

Коуторн Н. Элитные войска. С древнейших времен до наших дней / Пер. с англ. Ю. Соколова. М.: БММ, 2011. 224 с.: ил.

Крашенинников П.В. Жилищное право. 8-е изд, перераб., доп. М.: Статут, 2012. 396 с.

Лазутина Г.В., Распопова С.С. Жанры журналистского творчества: Учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2012. 320 с.

Медведев Д.Л. Эффективный Черчилль: Методы, которые использовал самый известный премьер в мировой истории. М.: РИПОЛ классик, 2011. 576 с.

Мир глазами блоггера. М.: Вече, 2011. 240 с: ил.

Мун Я. Уйти из толпы: Как быть успешным в мире, где толпа правит, но исключительность ведет / Пер. с англ. М: Карьера Пресс, 2012. 368 с.